

АВИТ ПРОБЛЕМУ

ВСТУПЛЕНИЕ В ЖИЗНЬ

Беседа с актрисой Центрального детского театра Ларисой Гребенщиной

Десять лет работает Лариса Гребенщикова в Центральном детском театре. Десять лет она неизменно ведущая актриса этого театра. Играет центральные роли в спектаклях для больших и маленьких, которые объединяет одна тема — вступление в жизнь.

— Сыграть совсем юного человека, постигающего окружающий его мир, — необыкновенно интересно, — говорит актриса. — Здесь все происходит впервые: радость, горе, любовь, и все воспринимается в десять раз острее, чем у взрослых. И, конечно, сыграть этот трудный, переломный момент в жизни человека, сыграть формирование души подростка — чрезвычайно сложно и чрезвычайно ответственно...

Порой кажется, что у девочек, которых я играю, например у той же Кирры в спектакле «Май не упустить...», за плечами какой-то груз прожитых лет, какой-то опыт. Но ничего же этого нет! Все придумано, все — сплошные фантазии и мечты, вымышленный мир, который представляется загадкой. Наверное, эта первоначальность детской души и пленяет больше всего в юных героинях наших спектаклей.

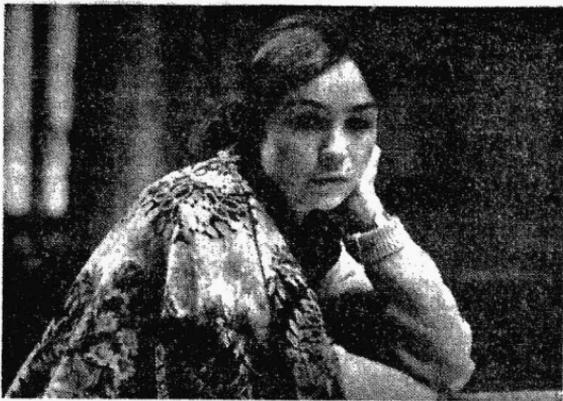
— В чем вы видите преимущество Детского театра?

— В публике прежде всего. Хотя, конечно, именно из-за зрителей нам и бывает порой особенно трудно. Но именно дети не дают нам, как говорится, «врать» на сцене. А если они чувствуют в спектакле такую «ложь», то в зале сразу же поднимается какой-то невообразимый шум!

Вообще, мне кажется, Детский театр только открывает еще себя. Это театр бесконечных возможностей, где с наибольшей смелостью можно экспериментировать, пробовать новые формы, проверяя все на непредвзятой реакции детей. Но при всем том он стоит как-то вдалеке от «большого искусства», и многие к Детскому театру относятся скептически: ну что там, детки прирут, повеселятся, а вы для них поиграйте. Они, мол, все «скупают». Преломить это представление о театре и стремиться наш коллектив под руководством Алексея Бородинки.

Ведь все закладывается в детстве, и театр, если это по-настоящему большой и серьезный театр, прежде всего влияет на мировоззрение, на становление души юного человека. Сейчас растет новое поколение молодых людей со своими взглядами, вкусами, запросами, им уже многое из того, что мы играем, совершенно неинтересно, для них это — пройденный этап. А драматурги порой будто совершенно не слышат того нового, что приносит это поколение в нашу жизнь, или не хотят слышать, поскольку старые приемы удобней...

— После окончания училища вы выбрали именно Детский театр?

— Не мы выбираем, нас выбирают... На дипломный спектакль Щепкинского училища «Одни, без ангелов» по пьесе Жуковичко, где я играла Галю, пришел директор Детского театра и после спектакля пригласил меня...

— А какую сегодня вы бы выбрали роль?

— Нишу Заречную в «Чайке» Чехова и Жанну д'Арк в «Жаворонке» Аюлий. В Нише Заречной меня очень волнует тема актрисы, ищущей себя. Эту роль я даже репетировала в театре, но спектакль, к сожалению, так и не вышел. Вообще, кроме «Чайки», я репетировала несколько спектаклей, которые света раппы так и не увидели, — Палу в «Зыковых», Настю в «На дне» Горького. Репетировала (правда, в другом театре) даже Джульетту, о которой столько мечтала. Но тогда это все не состоялось, и сейчас, наверное, на эту роль я бы уже не осмелилась. Время прошло...

— Кто из нынешних ваших героинь любимая?

— Джулия в «Альпийской балладе» Быкова. Правда, спектакль уже давно не идет, но все равно о нем вспоминаю, как о большой радости, потому что ничего лучше я, наверное, пока не сыграла. Джулия Новелли — это какой-то удивительный характер по своей первоначальности, щедрости и, что вообще свойственно юным людям, особенно итальянцам, своему жизнелюбию. Ну, казалось бы, жуткие условия: концлагерь, собаки по пятам бегут, голод, холод, страх — чем она спастется? Своей способностью радоваться жизни, солнцу, небу, цветам, любви.

Время работы над спектаклем с режиссером Павлом Хомским вспоминаю с огромной благодарностью. И вообще, когда шла «Альпийская баллада», я всегда приходила в театр с ощущением, что вот сегодня будет что-то очень хорошее, что-то чудесное произойдет... Такое ведь тоже, знаете, редко в нашей жизни бывает, потому что театр — это работа и спектакли — это наши будни, и потому так ценно, когда роль доставляет радость! И еще: Джулия была для меня

даже каким-то жизненным этапом. Со мной вообще такие случаи бывали, когда я через роль познавала себя.

Так было, когда репетировала Нишу Сизжко в «Варанбачнице» Салынского с режиссером Яшиным. Я себе, конечно, очень много всего про Нишу напридумывала: вот она такая разведчица отважная, и любовь у нее удивительная, и вообще она человек замечательный — цельный, стойкий, бесстрашный. Вроде все понятно, но все эти фантазии как-то были достаточно далеки от моего внутреннего «я», меня лично не затрагивали. И вдруг происходит такое событие: после первого просмотра автор, Александр Дмитриевич Салынский, говорит, что такая Ниша Сизжко его никак не устраивает и что вообще надо заменить исполнителями. Ну, театр есть театр: представляете мое состояние и все разговоры по поводу этого инцидента? Мне перед окончательным снятием с роли дают только один, последний «шпион». Вот тут-то фактически и рождается моя Ниша Сизжко, потому что все обстоятельство роли теперь ложится на меня.

Мне надо доказать, что я могу играть эту роль, убедить всех и одержать победу так же, как и Нише надо было доказать, что она «немецкая овчарка», вытерпеть, выстоять, преодолеть трудности работы разведчицы. Вот здесь уже включился в работу мой собственный человеческий характер, мое внутреннее «я», что и дало определенный результат. Фактически на этом «последнем» прогоне я впервые по-настоящему сыграла свою Нишу.

Меня в искусстве, да и не только в искусстве, конечно, привлекают люди, которые ищут смысл жизни. Да и те, кто приходит в наш театр, — подростки, школьники — народ удивительно ищущий, неспокойный. Духовное, нравственное постижение жизни, которое происходит в театре, в зрительном зале, обращено в будущее.

Е. БЕЛОВА.

Фото П. Катеринина.